

УДК 141.132

ПАТЕНКО Г.Р., к.филол.н., доцент (НЧИ КФУ)
г. Набережные Челны

КРИЗИС ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Вопрос о том, кто такой интеллектуал в современном мире, остается открытым. В эпоху цифровых технологий, переизбытка информации и быстро меняющихся социальных парадигм традиционные представления об интеллектуале, возможно, нуждаются в пересмотре. Интеллектуал – это не просто обладатель обширных знаний, но и человек, способный к критическому мышлению, анализу и синтезу информации, а также к генерации новых идей.

Современный интеллектуал – это, прежде всего, человек, осознающий свою ответственность перед обществом. Он не просто наблюдает за происходящим, но и активно участвует в формировании общественного мнения, предлагая конструктивные решения для существующих проблем. Его оружие – не сила, а аргумент, основанный на глубоком понимании контекста и стремлении к истине. Интеллектуал сегодня – это не обязательно ученый, писатель или философ. Это может быть программист, журналист, активист, предприниматель – любой человек, обладающий критическим мышлением и способный влиять на окружающий мир своими идеями и действиями.

Однако существует и обратная сторона медали. В современном мире, где информация легко доступна, а экспертное мнение зачастую формируется под влиянием политических или коммерческих интересов, важно отличать истинного интеллектуала от псевдоинтеллектуала. Последний может обладать блестящей риторикой и убедительной манерой говорить, но его аргументы часто лишены глубокого анализа и основаны на поверхностном понимании проблемы. Псевдоинтеллектуалы склонны к догматизму и не терпят критики, используя свои знания для манипуляции и продвижения собственных интересов.

Кризис интеллектуалов – это не просто модная тема для академических дискуссий, это констатация факта, пронизывающего современное общество. Интеллектуалы как общественный слой, как проводники и генераторы смыслов, как критики существующего порядка переживают период глубочайшей трансформации, чреватый утратой их былой роли и влияния.

Некогда воспринимаемые как маяки, освещающие путь к прогрессу и справедливости, сегодня интеллектуалы зачастую оказываются в положении маргиналов, игнорируемых политиками и прессой, критикуемых обществом и терзаемых внутренними противоречиями. И дело здесь не только в снижении интереса к интеллектуальным занятиям в эпоху доминирования масс-медиа и развлекательного контента. Причины кризиса лежат гораздо глубже и связаны с фундаментальными изменениями в структуре знания, в системе ценностей и в самом характере социального взаимодействия.

Одним из ключевых факторов, обуславливающих кризис интеллектуалов, является фрагментация знания и рост специализации. В прошлом интеллектуалы, опираясь на универсальное образование и широкую эрудицию, могли охватить широкий спектр проблем и предлагать комплексные решения. Сегодня же углубление специализации приводит к тому, что интеллектуалы оказываются запертыми в узких рамках своих дисциплин, теряя способность к междисциплинарному анализу и к пониманию целостной картины мира.

Параллельно с этим происходит эрозия традиционных авторитетов и утрата доверия к экспертам. Информация стала общедоступной, каждый может высказать свое мнение по любому вопросу, и в этом хаосе голосов становится все сложнее отличить знание от невежества, истину от лжи. Интеллектуалы, традиционно выступавшие в роли арбитров в спорах и проводников истины, оказываются беспомощными перед написком популизма и демагогии.

Кризис интеллектуалов – это не приговор, а вызов. Это шанс переосмыслить роль и место интеллектуалов в современном обществе и найти новые пути для их развития и самореализации. От того, как мы ответим на этот вызов, зависит будущее нашей цивилизации. Сможем ли мы сохранить критическое мышление и независимое мышление, сможем ли мы защитить истину и справедливость, сможем ли мы построить более разумное и справедливое общество – все это зависит от нас, от интеллектуалов, от каждого человека, который ценит знания и свободу.

В свое время французский постмодернист Мишель Фуко, обращаясь к вопросу интеллектуализма, фоном для определения последнего избирает политику и власть. Фактически эти два поля выступали ориентирами, в пределах которых, интеллектуал способен проявить себя. «...интеллектуал, его работа, исследование, размышления, его образ действий, осмысление вещей может осветить конкретную ситуацию, какую-то социальную область, какое-то стеченье обстоятельств – и если он может фактически внести сюда теоретический и практический вклад, то отсюда можно извлечь политические последствия, взяв, например, проблему Уголовного кодекса, правосудия...; я считаю, что интеллектуал может, если захочет, сделать важный вклад в восприятие и критику этих вещей, откуда совершенно естественно, если люди этого хотят, например, если это будет способствовать их определенному политическому выбору» [6, С. 338]. Итак, уже даже из этого фрагмента мы можем вывести основополагающие принципы позиции интеллектуала: критичность по ситуации, осмысленность события, освещение конкретики и тому подобное. М. Фуко считал (и мы не можем не согласиться с этим), что единственным ангажированием, которому может быть подвластен интеллектуал, является ангажирование злободневностью / «engagement avec l'actualité». Интеллектуал всегда там, где неудобно, где острая дискуссия, где болезненные вопросы, от которых невозможно отгородиться ширмой притворных благ. Любой, кто все же претендует называться интеллектуалом, как отмечает Славой Жижек, обязан обозначить свою позицию. Маркировать место на интеллектуальной карте и не сходить с него при первой же возможности. Эта позиция всегда должна быть поза того, что уже «осваивается идеологией», иначе интеллектуал перестает

быть интеллектуалом и становится идеологом. А «самый первый долг прогрессивного интеллектуала», по словам С. Жижека, «не принимать участие во враждебной борьбе». Такой алгоритм обезопасит интеллектуала, с одной стороны, от «попутных» точечных высказываний, а с другой, от «приспособительной» позиции относительно любой ситуации.

Другой французский интеллектуал, Жан Бодрийяр, считал, что интеллектуалы «неудобны». Из дискурсов, которые нацелены на маскировку амбивалентности «жизни-смерти», интеллектуалов желательно было бы даже изъять. Социальная история человечества, как мы знаем, является историей вытеснения смерти. Поэтому вслед за мертвыми из социального пространства выгоняют дикарей, сумасшедших, детей, старииков, невежественных, бедняков, извращенцев, женщин и интеллектуалов [1]. Но вытесняют эти категории за их неспособность сливаться в общий маргинальный фон «удобной массы». Соответственно, у самого Ж. Бодрийяра, в силу развертывания его размышлений, находим динамку в понимании интеллектуала. Собственно, в работе «Совершенное преступление. Заговор искусства» видим, что интеллектуалы все же прошли определенный путь трансформации и интегрировались в так называемый «класс интеллектуалов». «И если где-то и существует обман, то только внутри политического класса и класса интеллектуалов. Там люди действительно обманываются относительно своих собственных ценностей. И эти ценности почти мифоманские: они заставляют их расширяться как класс и призывать всех тех, кто снаружи, присоединиться к игре, которая продолжается внутри» [2]. Итак, чтобы постоянно не вытеснять смерть, имеем совершенное преступление / «Le crime parfait», которое заключается в убийстве реальности (утверждение реального как отречение реальности на языке С. Жижека); чтобы не отстаивать свое место и не заниматься прямыми обязанностями должны «jeu de bac à sable», в которой манится «élite intellectuelle».

Если взглянуть на вышесказанное, то можно сделать дельное замечание относительно того, что это за история: однобокая история мнений о том, кем может быть настоящий интеллектуал. Но эту историю можно пополнять множеством «личностных» примеров отдельных фигур, которые собственные теоретические достояние подкрепляли реальными поступками (вспомним хотя бы интеллектуалов, участвовавших в событиях «мая-68»), которые вели борьбу и до последнего верили в «призрачные идеалы». Эту историю можно отрицать или внести в перечень противоречивых теорий. В любом случае, единственное, чего нельзя отрицать, так это того, что еще никогда человечество не переживало такого кризиса интеллектуализма, который мы имеем возможность наблюдать сегодня.

Кто такой интеллектуал настоящего? Это человек, который давно потерял свое место на интеллектуальной карте. Это заядлый user сети, потерявший ощущение демаркации частного / публичного; все, чем он занимается, это самопиар или бестолковые попытки самоутверждения. Это сбитый с толку искатель «сокровищ», приспособленец к обстоятельствам, тонущий в популизме, но все еще претендующий на то, чтобы остаться «слепком суток». «Любой эксперт по рекламе или public relations, который изобретает технические средства для обеспечения успеха дезинфицирующего средства или авиакомпании на рынке, тоже оказывается прирожденным интеллектуалом, пытающимся заручиться поддержкой

потенциальных клиентов, завоевать симпатии покупателей или голоса избирателей» [6]. На сегодняшний день назвать себя интеллектуалом становится почти стыдно. Есть опасность попасть в массу всех тех блогеров, которые любят «размышления о жизни» и цитаты известных людей, или быть причисленным к кругу псевдоаналитиков, которые, словно хищники, устремляются в сторону очередного медийного вируса для того, чтобы высказать собственное мнение — к кругу тех, кто, едва оторвавшись по показателям количества подписчиков в сети, обращает себя кажущейся авторитетностью.

М. Фуко в своем исследовании «Интеллектуалы и власть» говорит, что интеллектуалы сопровождали власть, словно призраки, еще со времен ее формирования. В этой связи стоит, опять же, стоит взглянуть на историю. Другое дело — вопрос «независимости» интеллектуала. «Надежда на то, что социальные сети ... приобретут вид открытых площадок для масштабных обсуждений, тоже не оправдалась сполна. Вместо того чтобы быть платформами выражения взвешенного мнения, они скорее напоминают среду, куда изливаются потоки неудержимых эмоций, а комментарии превращаются в ад демонстрации собственных преимуществ... место интеллектуалов постепенно маргинализируется, поскольку частные интересы широкой публики в дальнейшем превалируют над общественными» [6, с. 192-193].

Собственно, из этого мы можем вывести весомое подтверждение мнения относительно несвободы современного «интеллектуала». Эта несвобода выражается в зависимости от сети, от обстоятельств, от политической ситуации, от личных предпочтений или собственного тщеславия. Но даже не так важно, что именно влияет — значимее то, что все эти факторы сводят на нет само понятие «интеллектуал». Нет, оно остаётся — как символ, как эмблема, как пафосный статус, не несущий никакого значения, поскольку сама функция интеллектуала утрачена по внешней обмане Фантома. И эта функция собственоручно уничтожена из-за обесценивания личных принципов и собственного призыва, разрушена систематическим компрометированием истин (правды и справедливости), «рыночными отчетами» о собственных достижениях и соревнованием в сетевом «параде успеха», затеряна в погоне за право быть «гуру» / авторитетом / носителем тайного знания.

Что нам может дать эта констатация факта? Определённо не тезис о том, что интеллектуал должен быть нелюдимым «примитивным типом», который становится сети или отказывается от техники в целом; также и не утверждение о том, что он не может быть публичным лицом, имеющим право на освещение как частного, так и публичного на своей странице в сети. Скорее всего, такая констатация является свидетельством, что, как и всегда, сейчас актуальными остаются критичность, самосознание и хотя бы незначительная, но интеллигентность.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / *Simulacres et simulation* // Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – 238 с.

2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. – М.: Рипол классик, 2019. – 347 с.
3. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. – 169 с.
4. Сайд Э. Представление интеллектуала. – СПб.: Русский мир, 2006. – 638 с.
5. Троицкий А. Субкультура. История сопротивления российской молодежи 1815-2018. – М.: Белое Яблоко, 2019
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Практис, 2002. – 384 с.